

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

Д.А. БОРОВКОВ

ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Между историей и легендой

Дмитрий Александрович Боровков
Владимир Мономах. Между
историей и легендой
Серия «Новейшие исследования
по истории России»

pdf
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65652552
Владимир Мономах. Между историей и легендой:
ISBN 978-5-227-09571-8

Аннотация

В книге рассказывается о жизненном пути одного из наиболее известных князей Древней Руси – Владимира Всеволодовича Мономаха (1053–1125). Мономах является единственным древнерусским правителем, оставившим свою автобиографию, входящую в состав знаменитого «Поучения», созданного князем для своих детей, которое сохранилось в Лаврентьевской летописи. Тем не менее личность Мономаха по сей день окутана завесой легенд, самой известной из которых является легенда о «шапке Мономаха» и других «Мономаховых дарах», якобы полученных им от византийского императора. Об этой легенде и о многих других исторических мифах, сформировавшихся вокруг его

имени, читатели смогут узнать из книги кандидата исторических наук, русиста Д. А. Боровкова.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
Пролог	16
Первые «пути»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дмитрий Боровков Владимир Мономах

Между историей и легендой

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Новейшие исследования по истории России» основана в 2016 г.

Оформление художника Е. Ю. Шурлаповой

© Боровков Д. А., 2021

© «Центрполиграф», 2021

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

* * *

Введение

Владимир Мономах является одной из самых известных и одновременно одной из самых противоречивых фигур русской истории. Его уникальность среди других представителей рода Рюриковичей заключается в том, что он был одним из немногих связанных родственными узами с византийской аристократией; первым и единственным, за исключением Ивана IV Грозного (1533–1584), правителем средневековой Руси, чья деятельность известна нам не только по летописям, но и по «документам личного происхождения» – «Поучению к детям», автобиографическому перечню «путей и трудов», описывающему военные походы князя с тринадцати до шестидесяти четырех лет, и письму к двоюродному брату Олегу Святославичу, написанному осенью 1096 г. (далее в тексте все три произведения, принадлежащие перу Мономаха и сохранившиеся в тексте Лаврентьевской летописи 1377 г., именуются «Поучением»). Казалось бы, раз деятельность Владимира Мономаха документирована лучше, чем деятельность других русских князей, оценка его личности должна быть объективнее, чем в остальных случаях, однако достаточно привести несколько характеристик, данных Владимиру Мономаху крупнейшими отечественными историками, чтобы убедиться в том, что это не так.

С. М. Соловьев считал, что «Мономах принадлежит к тем

великим историческим деятелям, которые являются в самые бедственные времена для поддержания общества, которые своею высокою личностию умеют сообщить блеск и прелесть самому дурному общественному организму», однако представлял его своеобразным «князем-консерватором», отмечая, что «Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества; это было лицо с характером чисто охранительным, и только. Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям»¹.

Н. И. Костомаров писал, что «между древними князьями до татарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волею, выдававшийся здравым умом посреди всей братии князей русских», около имени которого «вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и первой четверти XII века» и который «может по справедливости быть назван человеком своего времени». Однако тот же автор отмечал, что, «рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в

¹ Соловьев С. М. Древнерусские князья. СПб., 2010. С. 155–156.

своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил»².

Согласно М. С. Грушевскому, «Мономах дорожил общественным мнением и старался облекать свои действия в благовидную форму», однако «можно указать несколько фактов, которые не совсем согласуются с традиционным обликом его». В представлении исследователя он «обладал ясным практическим умом, отличался необычайной энергией и деятельностью, замечательным тактом; нельзя заподозреть искренность его набожности, его любви к Русской земле; несомненно, он не был злым, лукавым человеком, но в то же время собственная выгода неизменно фигурирует в его деятельности и ею обуславливаются его поступки»; в то же время «Мономах не был чудом века, как называют его некоторые, а лишь одним из замечательнейших его представителей...»³.

М. Д. Приселков отмечал, что Мономах, «сын греческой царевны из дома Мономахов, полугрек по крови и семейным связям дома с императорскими домами Византии, был личностью замечательной по многим своим дарованиям и

² Костомаров Н. И. История Руси Великой. Сочинения: В 12 т. Т. 1. Русская история в биографиях ее главнейших деятелей. М., 2004. С. 39, 66–67.

³ Грушевский М. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 134.

по значительному образованию. Он единственный из наших князей – писатель, не без вкуса и способности воздействовать на читателя. О нем можно судить не только по летописным данным о его деятельности, но и по его литературным трудам, и по отзывам ближайших его современников (Василий, автор повести об ослеплении Василька, митрополит Никифор) <...>. Недоверчивый к подчиненным и вообще к людям, Мономах во всем любил брать львиную долю работы на себя и был большим самовластцем, не терпящим чужих указаний, наставлений и советов, тем более, конечно, опеки. Стремясь на киевский стол, Мономах до времени не открывал себя целиком, стараясь не отпугнуть от себя или не вооружить, но когда он сел на Киев, сомкнув в своих руках давно небывалую политическую и земельную мощь, тогда он повел себя открыто, не стараясь прикрыть или ослабить впечатление»⁴.

М. Н. Тихомиров писал, что летопись и Киево-Печерский патерик противопоставляют «фигуру милостивого и мудрого Владимира Мономаха» фигуре его двоюродного брата и предшественника на киевском столе Святополка Изяславича и «это традиционное сопоставление в известной степени вошло в нашу литературу». Оценка деятельности Мономаха являлась у исследователя двойственной: с одной стороны, он не отрицал того, что «Владимир Мономах был крупной политической фигурой на рубеже XI-XII вв., знамени-

⁴ *Приселков М. Д.* Нестор-летописец [2-е изд.]. СПб., 2009. С. 129–130.

тым полководцем, заслужившим благодарность современников за свои победы над ордами половцев», а с другой стороны, подчеркивал, что это «не мешает нам видеть во Владимире Мономахе вовсе не идеальную фигуру народолюбца, а типичного феодала своего времени», который тем не менее «был все-таки одним из лучших представителей феодальных верхов своего времени, чего нельзя сказать о некоторых его современниках»⁵.

В тех же самых категориях охарактеризовал князя Б. А. Рыбаков, по словам которого «Владимир Мономах тем и представляет для нас интерес, что всю свою неукротимую энергию, ум и несомненный талант полководца употребил на сплочение рассыпавшихся частей Руси и организацию отпора половцам». При этом «Мономах, несомненно, был честолюбив и не гнушался никакими средствами для достижения высшей власти. Кроме того, как мы можем судить по его литературным произведениям, он был лицемерен и умел демагогически представить свои поступки в выгодном свете как современникам, так и потомкам»⁶.

Но существуют и иные характеристики князя.

Например, К. Н. Бестужев-Рюмин писал, что «Володимир Мономах, братолюбец, нищелюбец и добрый страдалец за Русскую землю», был, бесспорно, одним из лучших

⁵ Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 131, 133.

⁶ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 468.

князей Древней Руси, рисуящим в «Поучении» «идеал доброго князя, который везде сам, не полагается на своих отроков, сам судит, сам расставляет полки, вечно занят, ко всем милостив, благосклонен и всегда помнит Бога. Идеал этот, очевидно, он старался осуществить, чем и объясняется народная любовь к нему»⁷.

Б. А. Романов, под влиянием доминировавшей в советской историографии феодальной парадигмы социально-политического развития Руси, отмечал, что «летописные записи выдвигают Мономаха как идеального христианского князя», который украшен «добрыми нравами», прослыл «в победах», так что при имени его «трепетаху вся страны», но при этом «его автобиография, советы его «Поучения» – не уникальные, а приспособлены к среднему и типическому, пропитаны компромиссом и бытом», а «его жизнь не похожа на житие». Поэтому, «поучая, он не сам не лезет в герои, ни от поучаемого читателя своего не требует невозможного. Печать, скорее, добросовестной умеренности и аккуратности как гарантия политической мудрости и хладнокровия лежит на всем облике этого одинаково удачливого князя-труженика и литературно удавшегося самому себе писателя <...>. Он озаботился и о том, чтобы в летописании создать себе «хорошую прессу», оставить в памяти потомства о своей политической деятельности осмысленный, поучительный след.

⁷ Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история до эпохи Ивана Грозного. М., 2015. С. 297.

Несомненно его крупное значение в развитии, если не в создании феодальной политической идеологии. Его личная сила сказалась тут в том, что он сумел сделать эту идеологию доступной своему читателю, связать с жизненным опытом, запечатлеть ее в образах своего знаменитого «Поучения»⁸.

Сходных взглядов придерживался Д. С. Лихачев, считавший, что Владимир Мономах «конечно, представитель новой идеологии, оправдывавшей новый, провозглашенный на Любечском съезде принцип – «каждо да держит отчину свою», признавший факт раздробления Руси», который «во всех случаях подавал свой голос за упорядочение государственной жизни Руси на основе нового принципа и стремился предотвратить идейной пропагандой те княжеские раздоры, которые в новых условиях могли только усилиться», так что «призыв к единению против общих врагов – половцев, к прекращению раздоров между князьями, не был в его устах призывом к старому порядку»⁹.

И. У. Будовниц писал, что «сохранившиеся литературные произведения Владимира Мономаха представляют для нас особый интерес тем, что в них отразилась попытка Мономаха в качестве государственного деятеля провести на практике идею общественного примирения, которая лежала в осно-

⁸ Романов Б. А. Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки XI–XIII веков. 3-е изд. М., 2002. С. 128–129.

⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1987. С. 140.

ве Изборника 1076 г. (литературного компендиума, составленного по распоряжению дяди Мономаха Святослава Ярославича. — Д. Б.) и которую он сам развивал в назиданиях детям и последователям. Аудитория Владимира Мономаха гораздо уже того круга читателей, на который был рассчитан Изборник 1076 г. Он не дает советов, «како жити крестьяном», многим слоям общества. Зато трактуемые им вопросы разработаны шире и отделаны, так сказать, во всех гранях.

Рисуя идеального правителя, который несет ответственность за своих подданных и зависимых от него людей, Владимир Мономах с соблюдением большого литературного такта и без всякой назойливой нескромности ставит в пример самого себя, показывая себя с разных сторон — и как рыцаря, творящего «мужское дело», и как воина, совершающего многочисленные походы, и как весьма распорядительного и крупного политического деятеля, озабоченного судьбами своей страны, и как судью, и как вотчинника-феодала, и как хозяина большого, поставленного на широкую ногу дома, и как отца семейства, и как верующего, преданного церкви христианина... В этом отношении и собственно «Поучение», и письмо к Олегу Святославичу, и выписки с молитвой представляют собой единый материал, пронизанный единым замыслом — дать властям наставление, как наилучшим образом, с наибольшей для себя пользой, спокойно и безопасно управлять своими подданными.

Этот замысел выполнен свежо, оригинально, с настоящим

литературным блеском и талантом. Литературный талант Владимира Мономаха проявляется в том, что во всех преподносимых им наставлениях чувствуется трепет подлинной жизни, что они художественны и образны, проникнуты большой убежденностью, озарены мыслью, обогащены тонкими наблюдениями, отличаются подлинным поэтическим настроением и лиричностью. Даже в протокольные записи о своих «путях» (походах) Владимир Мономах умел вплести облеченные в образную художественную форму политические мысли и идеи»¹⁰.

Перечень исследовательских оценок Владимира Мономаха и интерпретаций тех или иных аспектов его политической деятельности можно продолжать долго (за более подробным историографическим экскурсом отсылаем читателей к монографии А. С. Ищенко)¹¹. Чтобы понять причины противоречий, обратимся к источникам, главными из которых являются «Повесть временных лет» и входящее в ее состав «Поучение» Мономаха.

Цитирование фрагментов из «Повести временных лет» осуществлено по переводу Д. С. Лихачева; фрагментов из «Киево-Печерского патерика» и «Сказания о князьях Владимирских» – по переводу Л. А. Дмитриева; фрагментов

¹⁰ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.). М., 1960. С. 132–133.

¹¹ Ищенко А. С. Владимир Мономах в русском общественно-историческом сознании: мифологический образ и историческая реальность. Ростов н/Д, 2014. С. 10–20.

из «Сказания о чудесах» – по переводу Н. И. Милютенко; фрагментов «Послания» Спиридона-Саввы – по переводу А. Ю. Карпова; фрагментов из посланий митрополита Никифора – по переводам С. М. Полянского; фрагментов из анналов Ламперта Герсфельдского – по переводу А. В. Назаренко. Цитирование фрагментов «Поучения» Владимира Мономаха осуществлено по переводу Д. С. Лихачева, за исключением фрагментов, относящихся к автобиографическому перечню «путей и трудов», которые переведены автором настоящих строк, как и фрагменты Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, следующие за текстом «Повести временных лет», а также фрагменты «Устава Владимира Всеволодовича».

Первое издание этой книги вышло в свет в 2015 г. в издательстве «Ломоносовъ». Для настоящего издания текст был дополнен и отредактирован с целью устранения неточностей и обновления справочного аппарата.

Пролог

«В лето 6561 (1052/53 по сентябрьскому стилю) у Всеволода родился сын и нарек имя ему Владимир, от царицы грекини» – такими словами сообщает о его рождении «Повесть временных лет» – летописный свод, формирование которого завершилось вскоре после вступления Мономаха на киевский стол. Упоминание о подобном факте – довольно редкий случай в истории древнерусского летописания. До этого момента «Повесть временных лет» сообщает даты рождения пяти князей – Владимира, Изяслава, Святослава, Всеволода и Вячеслава Ярославичей. В Синодальном списке Новгородской первой летописи упоминается о рождении Святополка Изяславича, двоюродного брата Мономаха, который родился в 6558 (1049/50) г. и был старше его примерно на три года. Появление на страницах летописей информации о датах рождения князей свидетельствует о том, что она могла быть зафиксирована еще при их жизни. Впрочем, князь, ставший автором первого в русской литературной традиции автобиографического произведения, предоставляет дополнительную информацию о себе: «Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василий, русским именем Владимир, отцом возлюбленным

и мать свою, Мономаху...»¹² Эти два свидетельства дают основание предполагать, что Владимир Мономах по материнской линии приходился родственником византийскому императору Константину IX Мономаху (1042–1055).

Род Мономахов не принадлежал к императорскому дому, хотя был связан со многими аристократическими фамилиями Византийской империи. Константин, его последний представитель по мужской линии, оказался на троне вскоре после государственного переворота 1042 г., когда в результате свержения императора Михаила V (1041–1042) власть оказалась в руках сестер Зои и Феодоры, последних представительниц Македонской династии, ведущей свое происхождение от императора Василия I (867–886), которые, оказавшись не в состоянии руководить государственными делами самостоятельно, после долгих поисков соправителя остановили свой выбор на кандидатуре Мономаха. На следующий год после его воцарения под стенами Константинополя появился русский флот под командованием новгородского князя Владимира Ярославича, старшего сына Ярослава Мудрого.

О причинах экспедиции в «Повести временных лет» ничего не сообщается, однако современник этих событий, византийский историк Михаил Пселл, глухо писал о том, что подготовка этого нападения началась на Руси заблаговре-

¹² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 11. Лаврентьевская летопись [2-е изд.]. М., 2001. Стб. 240.

менно, едва ли не со времени вступления на престол императора Михаила IV (1034–1041), но приготовления были окончены только после вступления на престол Константина IX, когда «варвары, хотя и не могли ни в чем упрекнуть нового царя, пошли на него войной без всякого повода, чтобы только приготовления их не оказались напрасными»¹³. По утверждению историка Иоанна Скилицы, непосредственным поводом для экспедиции послужило убийство на торговой площади в Константинополе «знатного скифа»: хотя византийский император, ради сохранения мира, готов был урегулировать возникшее недоразумение дипломатическим путем, его инициатива была надменно отвергнута «катархонтом» росов Владимиром¹⁴. Слова Михаила Пселла позволяют предполагать, что в действительности напряжение в отношениях между двумя странами нарастало давно, а инцидент на торговой площади, о котором сообщает Скилица, мог служить лишь прикрытием для похода, истинной целью которого являлось стремление к получению контрибуции с византийского правительства.

По свидетельству «Повести временных лет», на пути к столице империи русский флот сделал остановку в устье Дуная. По мнению Г. Г. Литаврина, именно здесь послы Константина Мономаха вели переговоры с Владимиром Яросла-

¹³ Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 95.

¹⁴ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII века). СПб., 2000. С. 237.

вичем о компенсации за гибель в столице «знатного скифа»¹⁵, в результате которых получили от новгородского князя «надменный ответ». В чем именно он заключался – неизвестно, но, когда летом 1043 г. Владимир оказался в акватории Мраморного моря, в непосредственной близости от Константинополя, в качестве гарантии сохранения мира было выдвинуто требование об уплате не компенсации за одного убитого, а крупной контрибуции для всего русского войска, которое, по утверждению Скилицы, было отвергнуто византийской стороной даже перед угрозой сражения, когда обе стороны, уже приготовившись к бою, выжидали удобный момент для атаки.

Византийцы решились напасть на русский флот только под вечер, но сумели внести беспорядок частью благодаря «греческому огню», частью благодаря произошедшей во время сражения буре. Упоминание об этом стихийном бедствии есть и в «Повести временных лет», где говорится, что князь Владимир, чье судно утонуло, сумел спастись на корабле воеводы Ивана Творимирича, но от бури пострадали и другие корабли, на которых могло находиться до 6000 человек: во главе их встал воевода Вышата, поскольку остальные дружинники отказались руководить ими. Остаткам «русской армады», по-видимому, удалось избежать окружения. Император снарядил за ними погоню, и, хотя корабли Владимира Ярославича отбили нападение и возвратились на Русь, сухо-

¹⁵ Там же. С. 244.

путному корпусу повезло меньше. Русские воины были взяты в плен, доставлены в Константинополь и ослеплены (по утверждениям арабских авторов, им также отрубили правые руки). Вышата вернулся на Русь после того, как около 1046 г. был заключен мир с Византией.

Вероятно, вскоре состоялся и брак одного из младших сыновей Ярослава, Всеволода Ярославича, которому в год заключения мира с византийцами исполнилось 26 лет, с родственницей императора. Современник Мономаха, киевский митрополит Никифор I (1104–1121), грек по происхождению, в одном из своих посланий князю (так называемое послание о посте), подчеркивая его положение в качестве «доблестного главы нашего и всей христолюбивой земли», отмечает, что в нем бог смешал «царскую и княжескую кровь»¹⁶. В «Тверском сборнике», в основе которого лежит «Ростовский свод 1534 г.», говорилось, что замужем за Всеволодом была «дочь греческого царя Константина Мономаха» (аналогичное утверждение было воспроизведено в Густынской летописи и в синодике основанного Всеволодом Выдубицкого монастыря)¹⁷. Высказывались предположения, что она могла носить имя Марии¹⁸ или Анастасии¹⁹.

¹⁶ Митрополит Никифор. Сочинения. СПб., 2007. С. 264.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000. Стб. 151; ПСРЛ. Т. 42. Густынская летопись. СПб., 2003. С. 54.

¹⁸ Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха // Историко-археологический сборник. К 60-летию А. В. Арциховского. М., 1962. С. 216; Пащенко В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.

Однако брак Константина IX с императрицей Зоей, благодаря которому он получил право на престол, был бездетным. Так как до этого Мономах был женат еще два раза, можно предположить, что он мог иметь дочь от одного из предшествующих браков. Михаил Пселл упоминает, что вторым браком Константин был женат на племяннице епарха (губернатора) Константинополя Романа Аргиропула, который в ноябре 1028 г. стал императором под именем Романа III (1028–1034). По мнению Г. Г. Литаврина и В. Л. Янина, отвергнувших возможность брака Всеволода Ярославича с одной из родственниц императора по другим линиям рода Мономахов, замуж за русского князя могла быть выдана именно дочь Константина Мономаха от второго брака²⁰.

Строго говоря, даже в этом случае она не могла считаться «порфирородной» представительницей императорской династии, то есть «царицей» (в отличие от Анны, дочери императора Романа II, выданной замуж за Владимира Святославича и также именуемой «царицей» в «Повести временных лет»). В момент ее рождения Константин Мономах был частным лицом: его жена не принадлежала к Македонской династии, а приходилась правнучкой Роману I Лакапину (920–

С. 80; *Котляр Н. Ф.* Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003. С. 47; *Толочко П. П.* Династические браки на Руси XII–XIII вв. СПб., 2013. С. 90.

¹⁹ *Брюсова В. Г.* К вопросу о происхождении Владимира Мономаха // *Византийский временник*. Т. 28. М., 1968. С. 129.

²⁰ *Янин В. Л., Литаврин Г. Г.* Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. С. 221.

944), который сумел стать тестем и соправителем императора Константина VII Багрянородного (912–959)²¹.

Роман Аргиропул получил корону благодаря не этим родственным связям, а браку с Зоей, устроенному перед смертью ее отца – императора Константина VIII (976–1028) – последнего потомка Василия I по мужской линии. Возможно, матью Владимира Мономаха могла быть внебрачная дочь Константина от Марии Склирены, племянницы его второй жены, которая сопровождала Константина в ссылку на остров Митилену, куда его отправил второй муж императрицы Зои Михаил IV. После того как Константин сам стал императором, Мария Склирена получила статус его официальной фаворитки, вместе с почетным титулом севасты. Несмотря на то что подобный акт вызвал возмущение в Константинополе, вплоть до своей смерти Мария Склирена оставалась рядом с императором.

Если мать Владимира Мономаха родилась от этой внебрачной связи, ее происхождение в действительности являлось бы менее почетным, чем представляется на первый взгляд, однако для древнерусских книжников могло быть важным не столько происхождение «царицы грекини», сколько сам факт матримониального союза одного из русских князей с родом царствовавшего в тот момент византий-

²¹ Скабаланович Н. А. Византийское государство и церковь в XI столетии. От смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея Комнина. СПб., 2010. С. 129–130.

ского монарха.

В «Поучении» Мономах упоминает, что княжеским (славянским) и крестильным (греческим) именем его нарек дед Ярослав и это имянарекание не оставляет никаких сомнений в том, сколь важное значение придавал браку Всеволода киевский князь, назвавший внука теми же именами, которые носил его отец Владимир Святославич, также получивший в крещении имя Василий. Известно, что внук Ярослава использовал крестильное имя, как и родовое византийское имя своей матери, официально: например, на печати № 13082, найденной в 1960 г. на Рюриковом городище в Новгороде, он фигурировал под именем «Василия, благороднейшего архонта Руси, Мономаха»²².

Вскоре после рождения Владимира Мономаха, в феврале 6562 г. (1053/54 г. по сентябрьскому стилю), Ярослав скончался. Как сообщается в «Повести временных лет», еще при жизни он дал наставление сыновьям: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат бра-

²² Янин В. Л., Литаврин Г. Г. Новые материалы о происхождении Владимира Мономаха. С. 205.

та. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир, а Вячеславу Смоленск». И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был... а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев, а попы пели положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви Святой Софии. И плакали по нем Всеволод и весь народ...»²³

Принципы наследования «стольных городов», сформулированные в этом летописном рассказе, известны в исторической литературе под названием «ряда» Ярослава. Сомнения в их достоверности высказал еще С. М. Соловьев, отметивший сходство использованных в завещании Ярослава литературных формул с речью митрополита Николая, поме-

²³ Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). Начало русской литературы. XI – начало XII века. М., 1978. С. 175, 177.

щенной в «Повести временных лет» под 1097 г., на основании этого сделав вывод о том, что «ряд» отражает политическую практику конца XI в.²⁴ М. С. Грушевский осторожно писал, что поучение из статьи 1054 г. соответствует политическим идеалам современного князю общества и что «оно могло быть вложено в уста Ярослава любым современным книжником, однако, с другой стороны, невозможно указать в нем ничего, что противилось бы положению или желаниям Ярослава»²⁵. Н. В. Шляков атрибутировал этот летописный текст киево-печерскому летописанию 70-х гг. XI в.²⁶ А. А. Шахматов считал его результатом работы составителя «Первого Печерского свода» Никона²⁷, ставшей реакцией на междукняжеский конфликт 1073 г., в результате которого Изяслав Ярославич был вынужден оставить киевское княжение и уйти в Польшу. Л. В. Черепнин не без оснований попытался связать его появление в летописной традиции с составлением в конце XI в. «Начального свода», который предшествовал появлению «Повести временных лет»²⁸. В поль-

²⁴ Соловьев С. М. Древнерусские князья. С. 142–143.

²⁵ Грушевський М. Історія України-Руси: В 10 т. Т. 2. Львів, 1905. С. 47.

²⁶ Шляков Н. В. Восемьсот пятьдесят лет со дня кончины великого князя Ярослава I Мудрого // Журнал Министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1907. Ч. 9. № 6. Отд. 2. С. 371–374.

²⁷ Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 2002. С. 273–274, 297, 303–304, 308.

²⁸ Черепнин Л. В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие

зу этого предположения свидетельствует неоднократно отмечавшееся исследователями текстуальное и сюжетное сходство статьи 1054 г. со статьей 1093 г., рассказывающей о кончине Всеволода Ярославича – отца Владимира Мономаха²⁹.

Данную в «Повести временных лет» репрезентацию событий 1054 г. можно охарактеризовать не только как составленную задним числом, но и в некоторой степени отражающую интересы Владимира Мономаха. В этом легко убедиться, стоит только обратить внимание на то, что в «Чтении о житии и погублении святых мучеников Бориса и Глеба», составленном агиографом Киево-Печерского монастыря Нестором, где также упоминается о кончине Ярослава, организация его похорон приписывается не Всеволоду, а Изяславу Ярославичу. «Христолюбивый Ярослав княжил многие годы в правоверии, а сыновей своих по землям поставил. И построил великую церковь – Святую Софию и много других церквей, которые и доньше стоят. После недолгой болезни предал душу в руки Божии, поручив престол свой старшему сыну своему Изяславу. А он, обрядив тело отца, положил его в мраморную раку и поставил в притворе церкви Свя-

ей летописные своды // Исторические записки. Т. 25. М., 1948. С. 324–325.

²⁹ *Сергеевич В. И.* Вече и князь. Русское государственное устройство и управление во времена князей Рюриковичей. М., 1867. С. 325 (Примеч. 79); *Насонов А. Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969. С. 50; *Ключевский В. О.* Сочинения: В 9 т. Т. 1. М., 1987. С. 182–183; *Соловьев С. М.* Древнерусские князья. С. 144; *Он же.* Сочинения: В 18 кн. Кн. 1. М., 1988. С. 665.

той Софии»³⁰. Таким образом, налицо расхождение между источниками, которое продиктовано определенными политическими тенденциями. Но насколько можно доверять этой репрезентации событий, появившейся, по всей видимости, при сыне Изяслава – Святополке, бывшем предшественником Мономаха на киевском столе?

Старшие сыновья Ярослава при его жизни находились на княжении в разных волостях, что подтверждает «Чтение» и «Повесть временных лет», однако информация о месте княжения Изяслава Ярославича в Лаврентьевском и сходных с ним списках, которые отражают первую редакцию «Повести...», завершенную к 1116 г., пропущена. Очень часто в историографии встречается упоминание о том, что перед смертью отца Изяслав княжил в Новгороде, который получил после смерти в октябре 1052 г. старшего брата Владимира Ярославича, что в силу расстояния между городами исключает его участие в погребальной церемонии в Киеве.

Однако подобное представление, восходящее к мнению С. М. Соловьева³¹, спорно, так как эта информация впервые появляется в позднем памятнике новгородской летописной традиции XV в. – Софийской I летописи младшего извода, – тогда как в предшествующих ей Новгородской I летописи младшего извода и Софийской I летописи старшего из-

³⁰ Милотенко Н. И. Святые князья-мученики Борис и Глеб. Исследование и подготовка текстов. СПб., 2006. С. 389.

³¹ Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 1. С. 210, 669–670 (Примеч. 227).

вода в этом месте присутствует лагуна, как и в Лаврентьевском списке. Более того, сохранившиеся летописные списки новгородских князей не упоминают о княжении в Новгороде Изяслава Ярославича при жизни отца (зато имеется известие, что он появился там уже в качестве киевского князя в 1054/55 г., чтобы поставить посадником Остромира, причем эта информация содержится даже в тех летописях, которые сообщают, что прежде в городе княжил сам Изяслав, хотя в этом случае непонятно, зачем ему понадобилось совершать для этого визит в Новгород, когда он мог назначить Остромира посадником сразу же при отъезде из Новгорода в Киев).

Интересно, что в Ипатьевском списке «Повести временных лет», который отражает более поздний ее вариант, появившийся в 1117/18 г., местом княжения Изяслава назван Туров. У этой гипотезы меньше сторонников, однако она представляется более предпочтительной, поскольку еще М. П. Погодин показал, что именно Туров являлся наследственным владением потомства Изяслава³². В апреле 1093 г. сын Изяслава Святополк добрался из Тулова в Киев на одиннадцатый день после смерти своего дяди Всеволода Ярославича, а ведь в этот же промежуток времени надо вписать и путь, который проделал от Киева до Тулова гонец, отправленный Владимиром Мономахом.

³² *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции по русской истории: В 7 т. Т. 4. М., 1850. С. 427, 428.

Если предположить, что Изяслав Ярославич отправился из Турова в Киев, как только получил известие о болезни отца, скончавшегося 20 февраля 1054 г. (по дате Ипатьевской летописи и граффити на стене Софийского собора) или 19 февраля 1054 г. (первая суббота Великого поста, День святого Феодора Тирона, указанный в Лаврентьевской летописи), можно допустить, что он вполне мог прибыть в Киев к моменту его захоронения в храме Святой Софии, как сообщает в «Чтении» Нестор, в то время как остававшийся при отце Всеволод мог руководить транспортировкой останков из Вышгорода, находившегося в 8 км севернее Киева.

Согласно «завещанию» Ярослава, в том виде, как его приводит «Повесть временных лет», каждый из его сыновей получил по княжеству со «стольным городом». По мнению В. О. Ключевского, в своем разделе Ярослав якобы руководствовался «двойным соображением» и распределил части Русской земли, с одной стороны, согласно порядку старшинства своих сыновей, а с другой – согласно экономическому значению этих волостей³³. Однако еще при жизни Ключевского эта гипотеза была оспорена А. Е. Пресняковым³⁴. Разумеется, говорить о реальном экономическом значении каждой из этих волостей при отсутствии фактических данных не представляется возможным, хотя нельзя не упомянуть одну

³³ Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. С. 185.

³⁴ Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 23–26.

из новаций этого раздела, отмеченную А. Н. Насоновым, который обратил внимание на тот факт, что Ярослав первым наделил своих сыновей «стольными городами» в Среднем Поднепровье, находившимся под единоличной властью киевского князя (за исключением кратковременного периода с 1024 по 1036 г., когда по условиям Городецкого соглашения 1026 г. Ярослав, потерпевший поражение в битве при Листвене, был вынужден разделить территорию Поднепровья со своим братом Мстиславом, который сел княжить в Чернигове)³⁵.

Владения старших Ярославичей не ограничивались поднепровскими городами, расположенными на трансконтинентальном торговом пути «из варяг в греки» (то есть из Скандинавии в Византию) и прилегающими к ним волостями, а включали также периферийные территории, освоение которых началось еще в X в. Комиссионный список Новгородской I летописи под 989 г. сообщает, что Изяслав получил Новгород и многие иные города; Святослав взял «всю страну восточную» до Муром, а Всеволоду достались Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье. Разумеется, к этому достаточно позднему известию, не имеющему аналогов в древнейших списках «Повести временных лет», следует подходить с осторожностью, учитывая тот факт, что территориальный состав периферийных владений Ярославичей периодически менял-

³⁵ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Монголы и Русь [2-е изд.]. СПб., 2006. С. 30.

ся, но принадлежность Северо-Восточной Руси к юрисдикции переяславского князя в 60-х гг. XI в. не вызывает сомнений, так как именно здесь мы впервые встречаем юного Владимира Мономаха.

В отличие от Киева и Чернигова, которые были древними племенными центрами полян и северян, сложившимися, по всей видимости, в VIII–X столетиях, Переяславль был новым городским центром, возникшим в ходе градостроительной деятельности Владимира Святославича, предпринятой с целью укрепления южных рубежей. В «Повести временных лет» под 992 г. сохранилось предание, рассказывающее об обстоятельствах основания города: «Пошел Владимир на хорватов. Когда же возвратился он с хорватской войны, пришли печенеги по той стороне Днепра от Сулы; Владимир же выступил против них и встретил их на Трубеже у брода, где ныне Переяславль. И стал Владимир на этой стороне, а печенеги на той, и не решались наши перейти на ту сторону, ни те на эту. И подъехал князь печенежский к реке, вызвал Владимира и сказал ему: «Выпусти ты своего мужа, а я своего – пусть борются. Если твой муж бросит моего на землю, то не будем воевать три года; если же наш муж бросит твоего оземь, то будем разорять вас три года». И разошлись. Владимир же, вернувшись в стан свой, послал глашатаев по лагерю со словами: «Нет ли такого мужа, который бы схватился с печенегом?» И не сыскался нигде. На следующее утро приехали печенеги и привели своего мужа, а у наших не

оказалось. И стал тужить Владимир, посылая по всему войску своему, и пришел к князю один старый муж, и сказал ему: «Князь! Есть у меня один сын меньшей дома; я вышел с четырьмя, а он дома остался. С самого детства никто его не бросил еще оземь. Однажды я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу руками». Услышав об этом, князь обрадовался, и послали за ним, и привели его к князю, и поведал ему князь все. Тот отвечал: «Князь! Не знаю, могу ли я с ним схватиться, но испытайте меня: нет ли большого и сильного быка?» И нашли быка, большого и сильного, и приказал он разъярить быка; возложили на него раскаленное железо и пустили быка. И побежал бык мимо него, и схватил быка рукою за бок и вырвал кожу с мясом, сколько захватила его рука. И сказал ему Владимир: «Можешь с ним бороться». На следующее утро пришли печенеги и стали вызывать: «Где же муж? Вот наш готов!» Владимир повелел в ту же ночь облечься в доспехи, и сошлись обе стороны. Печенеги выпустили своего мужа: был же он очень велик и страшен. И выступил муж Владимира, и увидел его печенег и посмеялся, ибо был он среднего роста. И измерили место между обоими войсками, и пустили их друг против друга. И схватились, и начали крепко жать друг друга, и удавил муж печенежина руками до смерти. И бросил его оземь. И кликнули наши, и побежали печенеги, и гнались за ними русские, избивая их, и прогнали. Владимир же обрадовался и заложил город у брода того и назвал его Переяславлем, ибо

перенял славу отрок тот»³⁶. Разумеется, предание об основании Переяславля, элементы которого представляют собой эпические топосы, внесено в «Повесть временных лет» позже, как и большая часть рассказа о «ряде» Ярослава, однако приведенная в летописи дата основания города в целом подтверждается данными археологии, согласно которым Переяславль начал формироваться в конце X в.³⁷, скорее всего, как южный форпост против печенегов.

Переяславский князь находился в менее выгодном положении, чем князья, сидевшие в Киеве и Чернигове, из-за постоянных столкновений с кочевниками, упоминания о которых появляются в «Повести временных лет» уже под 1054/55 г. «В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами, и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли».

Впрочем, мир на южных рубежах Руси оказался недолговечным. Уже под 1060 г. летопись сообщает о большом походе «на лодьях и конях» против торков, в котором помимо трех старших Ярославичей принял участие и их двоюродный племянник – полоцкий князь Всеслав Брючиславич. Эта междукняжеская коалиция сумела нанести торкам та-

³⁶ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 137, 139.

³⁷ Куза А. В. Малые города Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 154; Горский А. А. Об упоминании Переяславля в русско-византийских договорах X в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его источник. Восприятие, отношение, интерпретация. XXI чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 2009.

кое поражение, что после него они перестали представлять самостоятельную политическую силу и постепенно превратились в «федератов» на службе киевских князей. Гораздо труднее было справиться с половцами, которые под предводительством хана Искала 2 февраля 1061 г. нанесли поражение Всеволоду Ярославичу и опустошили его княжество, – «то было первое зло от поганных и безбожных врагов», – говорится в летописи. В таких условиях прошло детство Владимира Мономаха, которому в будущем предстояло вести тяжелую борьбу против половцев. Всю полноту силы половцев русским князьям пришлось испытать на себе в сентябре 1068 г., когда они совершили большое нашествие на Южную Русь.

К тому времени союз Ярославичей с полоцким князем распался. О том, что Всеслав начал войну, в «Повести временных лет» говорится под 6573 г. (1065/66 мартовским годом). Памятник новгородского летописания XV в., Новгородская IV летопись, под этим же годом уточняет, что «Всеслав был у Пскова и бил укрепления стенобитными орудиями»³⁸. Можно предполагать, что осадой Пскова дело не ограничилось, поскольку в списке новгородских князей, включенном в Новгородскую I летопись младшего извода, сохранилась информация о том, что княживший в Новгороде Мстислав Изяславич бежал, потерпев поражение в битве на

³⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская Четвертая летопись. М., 2000. С. 122.

реке Черехе³⁹, которая протекает по территории Псковской области.

Год сражения в летописи не указан, но можно предполагать, что поражение Мстислава Изяславича совпало с военной экспедицией Всеслава. После бегства князя Всеслав пошел на оставшийся без защиты Новгород. О масштабах постигшей город катастрофы известно из Новгородской IV летописи. Всеслав занял и сжег Новгород до Неревского конца и «взяв все у Святой Софии, и паникадила, и колокола, отступил»⁴⁰. Зимой 1066/67 г., по свидетельству «Повести временных лет», Ярославичи, «собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе». Братья же «взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге, и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней, и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав первым вошел в шатер, схватили тут Всеслава,

³⁹ Там же. Т. 3. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода. М., 2000. С. 161, 470.

⁴⁰ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 123.

на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями». Это решение, как показали дальнейшие события, оказалось для киевского князя роковым.

В «Повести временных лет» сохранилось лаконичное описание первого акта трагедии, которая разыгралась на реке Альте в 1068 г. «Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганных за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы». Позднее к этим скупым строкам был добавлен более пространный комментарий, известный в исторической литературе как «Рассуждение о казнях Божьих», составитель которого постарался объяснить разгром русских войск на Альте как результат отступничества Русской земли от христианских канонов.

Однако больший интерес представляет первоначальный текст летописной статьи, касающийся событий, которые произошли в Киеве. Его автор, бывший, по-видимому, очевидцем произошедшего, рассказывает следующее: «Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав – в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще раз сразимся с ними». Изяслав же того не послушал. И стали люди роптать на воеводу Коснячка; пошли на гору с веча, и пришли на

двор Коснячков, и, не найдя его, стали у двора Брячислава, и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». Данное предложение является одним из наиболее дискуссионных фрагментов летописного рассказа. С одной стороны, не вполне ясно, чего именно добивались восставшие от Коснячка. Так, в историографии распространено мнение, что люди искали воеводу «не с добрыми намерениями»⁴¹ и даже разграбили его двор⁴², однако летопись не содержит столь красочных подробностей, которые в действительности являются догадками ученых.

С другой стороны, является загадкой, что за «дружину» мятежники собрались освободить из темницы. Ход событий свидетельствует в пользу того, что отношения князя с горожанами оставляли желать лучшего, так что речь здесь могла идти о какой-то части городского населения (может быть, об участниках ополчения), которая по приказанию Изяслава была заключена под стражу.

Восставшие разделились на две группы: одна пошла к темнице, а другая – по мосту на княжеский двор. «Изяслав в это время на сених совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу. Когда же князь смот-

⁴¹ *Мавродин В. В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956. С. 197; *Покровский М. Н.* Избранные произведения: В 4 кн. Кн. 1. М., 1966. Кн. 1. С. 159.

⁴² *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 88; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города [3-е изд.]. СПб., 2008. С. 148.

рел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Туку, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозревая его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба – в 15-й день сентября – и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу»⁴³ – в противном случае старший и младший Ярославичи рисковали поменяться местами с Всеславом.

Финал этого дня также имеет различные интерпретации. По мнению Б. А. Рыбакова, акт «прославления» полоцкого князя подчеркивал экстраординарный характер его вокняжения, условием которого являлась защита киевлян от половцев, так как стандартная церемония предусматривала интронизацию («посаждение на стол») в храме Святой Софии⁴⁴. А. П. Толочко предположил, что интронизация на княжьем дворе имела законный характер и только к концу XI в. ста-

⁴³ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 185.

⁴⁴ Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве». М., 1991. С. 44.

ла проходить в церкви⁴⁵. И. Я. Фроянов считал, что «во время бедствий в общественном сознании Руси оживали, а точнее сказать, срабатывали языческие традиции, определявшие поведение людей, стремящихся вернуть благополучие общине», которые в данном случае использовали древний ритуал вокняжения правителя, сопровождавшийся расхищением имущества его предшественника⁴⁶.

Киевские события 15 сентября 1068 г. стали первым известным случаем социально-политического конфликта княжеской власти и городского населения в Южной Руси, который в XIX в. характеризовался как «революция» Н. И. Хлебниковым, а в XX в. – М. С. Грушевским и М. Н. Покровским⁴⁷. На первый взгляд, подобное определение следовало бы рассматривать как модернизацию событий, но, поскольку их результатом стали изменения на киевском столе, который занял ставленник восставших горожан, его можно признать соответствующим ситуации, хотя вряд ли стоит уподоблять «сентябрьскую революцию» 1068 г. революциям Нового времени, следствием которых являлась радикальная трансформация социально-политического строя.

⁴⁵ Толочко А. П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 142–143.

⁴⁶ Фроянов И. Я. Древняя Русь. Опыт исследования социальной и политической борьбы. М.; СПб., 1995. С. 185–186.

⁴⁷ Хлебников Н. Государство и общество в домонгольский период русской истории. СПб., 1872. С. 266; Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 3. С. 209; Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 1. С. 159.

В данном случае вслед за И. Я. Фрояновым здесь можно видеть революцию в масштабах городской общины⁴⁸, спонтанно выступившей против правящего князя и противопоставившей ему альтернативного лидера, которого могли считать способным к организации сопротивления половцам. Составитель «Рассуждения о крестной силе», завершавшего летописную статью 1068 г., объяснил «революционные» события в Киеве так: «...Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной»⁴⁹.

Драматические события 1068 г., приведшие к временной смене власти в Киеве, послужили прелюдией к появлению на политической сцене Владимира Мономаха.

⁴⁸ Фроянов И. Я. Древняя Русь. С. 195.

⁴⁹ ПЛДР. XI – начало XII века. С. 187.

Первые «пути»

«...Первый раз к Ростову я пошел, сквозь вятичей послал меня отец, а сам пошел к Курску», – писал Владимир Мономах в автобиографической части «Поучения»⁵⁰. Так как он уточнял, что участвовал в походах с тринадцатилетнего возраста, еще в XIX в. возникла дискуссия о том, к кому году следует отнести этот поход. Например, М. П. Погодин, взяв за точку отсчета летописную дату рождения Владимира, склонялся к мысли, что его следует датировать 1066 г.⁵¹, а С. М. Соловьев связывал его с событиями 1068 г.⁵² Впоследствии одна часть исследователей приняла датировку Погодина⁵³, а другая – датировку Соловьева⁵⁴.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

⁵¹ *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции... Т. 6. М., 1855. С. 45 (Примеч. 22).

⁵² *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. 1. С. 672–673 (Примеч. 50).

⁵³ *Ивакин И. М.* Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 143; *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 269; *Шахматов А. А.* История русского летописания. Т. 1. Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2. Раннее русское летописание XI–XII вв. СПб., 2003. С. 532; *Толочко П. П.* Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 81, 91–93.

⁵⁴ *Орлов А. С.* Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 10; *Кучкин В. А.* «Поучение» Владимира Мономаха и русско-польско-немецкие отношения 60–70-х годов XI века // Советское славяноведение. 1971. № 2. С. 31–33; *Гиппиус А. А.* Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции II // Русский язык

Оригинальный вариант решения дилеммы, который, как кажется, способен сблизить две эти точки зрения, предложил С. В. Цыб, согласно хронологическим реконструкциям которого события, описанные в «Повести временных лет» под 1068 г., первоначально располагались под 1066 г., а затем, в процессе редактирования летописного текста, произошло смешение различных календарных стилей, вследствие чего киевские события были перенесены под 1068 г.⁵⁵

Не менее сложным является еще один вопрос: был ли Ростов первым «стольным городом» Владимира Мономаха, как можно прочесть в некоторых работах⁵⁶, или промежуточной остановкой между двумя военными походами? Прочитанный фрагмент не может дать ответа на этот вопрос, поэтому придется обратиться к событиям, упомянутые след за ним.

Далее в «Поучении» Мономаха говорится: «...И потом во второй раз пошел к Смоленску со Ставком, с Гордятичем, тот потом и отошел к Берестю с Изяславом, а меня послал к Смоленску, из Смоленска же я пошел к Владимиру». Таким образом, появляется новая информация к размышлению, центральным пунктом в которой оказывается свидетельство о походе Изяслава Ярославича к Берестю – городу

в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 160, 161, 164.

⁵⁵ Цыб С. В. Древнерусское времяисчисление в «Повести временных лет» [2-е изд., испр.]. СПб., 2011. С. 85–87.

⁵⁶ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 465, 466.

Туровской земли, примыкавшей к границе с Польшей.

Судя по данным летописи, оказаться в Берестье Изяслав мог либо осенью 1068 г. (во время первого бегства в Польшу), либо весной 1073 г. (во время второго бегства в Польшу). Но в 1073 г. бегство из Киева было вызвано выступлением Святослава и Всеволода против Изяслава, а в 1068 г. Изяслав и Всеволод, напротив, вместе бежали из Киева от восставших киевлян, поэтому тот факт, что сопровождавший Мономаха Ставко Гордятич (в котором Н. М. Ивакин в начале XX столетия видел приближенного Всеволода Ярославича)⁵⁷ оказался спутником Изяслава Ярославича, сопровождавшим его к границе, выглядит логично в контексте ситуации 1068 г. Не менее показательно упоминание Мономаха о том, что целью его похода был Смоленск.

После того как на княжении в этом городе скончались два младших сына Ярослава – Вячеслав и Игорь (в 1057 и 1060 гг. соответственно), Смоленск не имел князя и являлся лакомым куском для Всеслава Полоцкого, так как располагался на пересечении важных торговых путей. В 1068 г. полоцкий князь сидел в Киеве – как показали дальнейшие события, он не очень дорожил киевским столом, но вполне мог стремиться установить контроль над Смоленском, к которому проявлял интерес и позже.

Переворот в Киеве не привел к немедленному признанию власти Всеслава в других городских центрах Руси – это пред-

⁵⁷ Ивакин И. М. Владимир Мономах и его Поучение. С. 149.

положение позволяет объяснить причину как первого, так и второго похода Мономаха. Всеволод Ярославич мог отправить сына в Ростов для того, чтобы тот собрал войска для отпора Всеславу, ибо трудно представить, чтобы юный князь совершал праздную поездку по отцовским владениям, которую представил в автобиографии как начало своих «трудов», тем более что в действительности мероприятие было рискованным: путь Владимира пролегал «сквозь вятичей», о столкновениях с предводителями которых известно из «Поучения». В Ростове Мономах не задержался и двинулся в Смоленск. Текст «Поучения» позволяет предполагать, что Мономах руководил экспедицией вместе со Ставком Гордятичем⁵⁸, однако в пути планы изменились: Ставко отправился вслед за князем Изяславом, а князь продолжил путь к Смоленску.

Впрочем, в Смоленске, как и затем во Владимире-Волынском, Мономах оставался недолго. В «Поучении» говорится, что «той же зимой послали меня к Берестью братья, на пожарище, где пожгли, и я поддерживал спокойствие в городе» (или, как написано в оригинале, «блюд город тих»)⁵⁹. Этот фрагмент вызывает не меньше вопросов, чем предшествующий: почему Берестье было сожжено и зачем «братье»,

⁵⁸ Существует предположение, что имя Ставко Гордятича могло быть в тексте «Поучения» позднейшей вставкой (*Гиппиус* А. А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции II. С. 161–163).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 247.

то есть «старшим» князьям, потребовалось направлять туда Мономаха?

И. М. Ивакин, относивший события, описанные в этом фрагменте, к 1073/74 г., попробовал разрешить дилемму с помощью предположения о том, что Берестье было сожжено поляками («ляхами»), которые таким образом отомстили за изгнание Изяслава Ярославича из Киева⁶⁰. Конъектура текста, предложенная Ивакиным, получила широкое распространение. Избыточность ее продемонстрировал А. А. Гиппиус, однако альтернативная трактовка событий, предложенная им и предполагающая, что город был сожжен самими князьями, которые затем «послали юного Мономаха охранять устроенное ими пожарище»⁶¹, не кажется убедительной, равно как и предположение о том, что беспорядки в Берестье были спровоцированы известием о восстании в Киеве.

Киевское восстание стало следствием внешней угрозы и неспособности Изяслава Ярославича организовать оборону города от половцев, совершавших опустошения в Русской земле. Пограничному Берестью вряд ли была опасна эта угроза: на западных рубежах следовало опасаться не половцев, а поляков, но поскольку представление о польской угрозе оказывается историографическим мифом, предположе-

⁶⁰ Ивакин И. М. Владимир Мономах и его Поучение. С. 151.

⁶¹ Гиппиус А. А. Сочинения Владимира Мономаха: опыт текстологической реконструкции II. С. 163.

ние о внешней угрозе, равно как и представление о цепной реакции, спровоцировавшей вслед за Киевом выступления в других местах, не выдерживают критики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.